

ПЕРИОДЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЛЕНОВ ОБЪЕДИНЕНИЯ АРХИТЕКТОРОВ-УРБАНИСТОВ В СРЕДНЕЙ АЗИИ (1925–1930 гг.)

Ф.В. Верхотуров

Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия

Аннотация

Рассмотрены публикации членов Объединения архитекторов-урбанистов (АРУ) о проектах в Средней Азии в периодической печати с 1930-х по 1930-е годы. По содержанию публикаций выявлены направления деятельности членов АРУ до и после распада Объединения. Обозначена роль архитекторов-урбанистов на каждом из трёх выявленных этапов проектно-исследовательской деятельности для Средней Азии. Прослеживается обращение и развитие архитектурно-градостроительных идей Н.А. Ладовского.¹

Ключевые слова: ВХУТЕМАС–ВХУТЕИН, школа Ладовского, рационализм, АРУ, архитектура авангарда в Средней Азии, постконструктивизм

STAGES OF ACTIVITY OF MEMBERS OF THE ASSOCIATION OF ARCHITECTS-URBANISTS IN CENTRAL ASIA (1925–1930)

Ph. Verkhoturov

Moscow Architectural Institute (State Academy), Moscow, Russia

Abstract

The publications of members of the Association of ARU on projects in Central Asia in periodicals from the 1930s to the 1940s are considered. Based on the content of the publications, the directions of activity of the ARU members before and after the collapse of the Association were identified. The role of architects who took part in design and research activities for Central Asia is indicated. At the final stage of their activity in the region, on the example of publications and projects of the mid-1930s, the circulation and development of the architectural and urban planning ideas of N. Ladovsky is traced.²

Keywords: VKHUTEMAS–VKHUTEIN, Ladovsky school, rationalism, ARU, architecture of Central Asia, post-constructivism

Процесс строительства новых городов или реконструкции старых в республиках Средней Азии связан с развернувшейся индустриализацией советского государства. Первыми задачами для достижения производственно-экономического развития региона являлись строительство рабочих посёлков и срочная реконструкция жилищного фонда. В 1926 году на основании промышленных и хозяйственных планов развития среднеазиатских

¹ **Для цитирования:** Верхотуров Ф.В. Периоды деятельности членов объединения архитекторов-урбанистов в Средней Азии (1925–1930 гг.) // Architecture and Modern Information Technologies. – 2021. – №3(56). – С. 39–63. – URL: https://marhi.ru/AMIT/2021/3kvart21/PDF/03_verkhoturov.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2021-3-39-63

² **For citation:** Verkhoturov Ph. Stages of Activity of Members of the Association of Architects-Urbanists in Central Asia (1925–1930). Architecture and Modern Information Technologies, 2021, no. 3(56), pp. 39–63. Available at: https://marhi.ru/AMIT/2021/3kvart21/PDF/03_verkhoturov.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2021-3-39-63

республик Госплан СССР составляет общий перспективный план гражданского строительства на 1926–1931 годы.

Тема становления социалистической архитектуры стран Средней Азии с 1920-х по 1930-е годы продолжает интересовать исследователей и сегодня. Это связано с фактом влияния советского архитектурного авангарда, оказанного на среднеазиатскую архитектуру и градостроительство. Появление в работах архитекторов советского авангарда новаторских приёмов при проектировании в южных историко-культурных и климатических условиях сыграло значимую роль в актуальности этой темы.

Как отмечал С.О. Хан-Магомедов, наиболее последовательными в теоретической и практической работе по внедрению новых форм в региональную архитектуру были конструктивисты. В 1926 году в статье «Национальная архитектура народов СССР» М.Я. Гинзбург определил направление функционального метода в облике архитектуры Национальных Советских республик ссылаясь на личный опыт изучения архитектурной культуры Востока³ [7, с.113].

Сегодня имеются свидетельства того, что деятельности архитекторов АРУ в среднеазиатском регионе 1930-х годов предшествовала работа по реставрации памятников старины (1925–1927 гг.) и по реализации проектов жилых и общественных зданий в 1929 году для г. Самарканда будущих членов АРУ Валентина Попова и Сергея Лопатина [5, с.336]. Эти факты указывают на то, что вместе с представителями других творческих течений участие в становлении социалистической архитектуры Средней Азии принимали будущие члены АРУ – представители рационализма. Поэтому теоретический и практический опыт проектирования в Средней Азии, зафиксированный архитекторами АРУ в публикациях архитектурно-строительных журналов в период с 1930-х по 1940-е годы, особенно актуален для составления и понимания целостной картины освоения региона и заслуживает отдельного рассмотрения.

Отсутствие специального исследования о деятельности АРУ в Средней Азии указывает на необходимость систематизации фактов и результатов продолжительного интереса у архитекторов-урбанистов к теме развития среднеазиатской архитектуры. Особый вклад в исследование этой темы внёс С.О. Хан-Магомедов. Результатами его работы стали монографии о видных учениках Н.А. Ладовского, прошедших путь от Обмаса⁴ к АСНОВА⁵ и АРУ – Виталии Лаврове и Викторе Калмыкове. В них автор много внимания уделил публикациям архитекторов-урбанистов о проектах в Средней Азии, тем самым систематизировав материал и выявив их творческие методы в контексте меняющихся направлений архитектурной теории и практики 1930-х годов.

Автором данной статьи предпринята попытка выявить этапы деятельности членов АРУ в Средней Азии основываясь на комплексном анализе более широкого периода публикационной деятельности архитекторов-урбанистов, который берет начало с 1930-х и отражается в 1940-х годах. Публикуемые в этой статье новые документальные данные позволяют уточнить последовательность развития темы и обозначили степень участия в ней тех членов АРУ, для которых изучение историко-культурных, природных условий и

³ Речь идёт о поездке Гинзбурга в г. Бухару в 1924 году, о чём свидетельствует книга Б.Н. Засыпкина «Архитектура Средней Азии древних и средних веков», 1948 года.

⁴ Объединённые левые мастерские (1920–1923) – образованы осенью 1920 г. на архитектурном факультете (Архфак) ВХУТЕМАСа лидером рационализма Н.А. Ладовским и его единомышленниками – В.Ф. Кринским и Н.В. Докучаевым. Источник: Энциклопедия русского авангарда. – URL: <http://rusavangard.ru/online/history/asnova/>

⁵ Ассоциация новых архитекторов (1923–1932) – объединение архитекторов-новаторов. Творческий лидер Н.А. Ладовский и учредители (Н.А. Ладовский, Н.В. Докучаев, В.Ф. Кринский, А.М. Рухлядев, В.И. Фидман, А.И. Ефимов, С.А. Мочалов и В.С. Балихин). Целью АСНОВА был поиск новой архитектурной выразительности в учёте особенностей психофизического восприятия архитектуры человеком, а также создание новых методов архитектурного образования. Источник: Энциклопедия русского авангарда. – URL: <http://rusavangard.ru/online/history/obmas/>

проектирование в среднеазиатском регионе стало значимым этапом в творческой биографии.

Архитекторы-урбанисты не имели своего специального журнала, который сегодня дал бы полное представление о развитии их теоретических и практических взглядов на тему социалистической архитектуры Средней Азии. Поэтому публикации из разных источников: журналов «Архитектура СССР», «Строительная промышленность», «Строительство Москвы» стали основным материалом для решения поставленной задачи. После распада АРУ архитекторы-урбанисты продолжали работу в обстановке общей смены творческих ориентиров на постконструктивизм, который оказал влияние на градостроительство и архитектуру Средней Азии. Поэтому небезынтересным будет выявить отличия в направлениях деятельности до и после этого «перелома».

Три периода деятельности членов АРУ в Средней Азии

Первый период (1925–1929 гг.)

Ранее неизвестный период участия студентов Архфака ВХУТЕМАСа, будущих членов АРУ С.А. Лопатина и В.С. Попова в археологических экспедициях в г. Самарканде в качестве техников и научных сотрудников Средазкомстариса⁶. Посредством обмеров архитектурных памятников старины студенты-архитекторы знакомились с культурой древнего строительства. Также им удалось совместить эту деятельность с реальным проектированием и реализацией объектов (по проекту С. Лопатина реализовано в 1927 году 40 жилых домов на две квартиры и здание городского Совета для г. Самарканд) [5, с.337]. Материалов и публикаций по данным работам пока не обнаружено, однако эти новые факты, обнаруженные в личных делах членов Союза архитекторов⁷, позволяют сделать вывод о формировании опыта и обретении знаний о специфике региона, что помогало в разработке градостроительных проектов АРУ в 1930-х годах на следующем этапе.

Рис. 1. Логотип Среднеазиатского комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы (Средазкомстарис)

⁶ Среднеазиатский комитет по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы (1923–1926). Работа комитета заключалась в заведовании всеми музеями Средней Азии, регистрации памятников старины и искусства, их охрана, ремонт и реставрация, а также собирание (включая археологические раскопки) и научную обработку материалов, относящихся к сфере его научных интересов.

⁷ РГАЛИ, ф.2466, оп.5, ед.хр. 527; ф.2466, оп.6, ед.хр. 259.

К этому же периоду относится разработка проекта республиканской больницы УзССР в г. Самарканде (1925–26) в рамках конкурса Московского Архитектурного Общества. Первую и вторую премию получили соратники Н.А. Ладовского, будущие учредители АРУ Д.Ф. Фридман и В.И. Фидман, А.З. Гринберг (совместно с Н.В. Гофманом)⁸.

Связующим звеном первого и второго периодов (1930–1932) служит доклад С.А. Лопатина на тему «Планировка среднеазиатских городов», зачитанный 12 декабря в 1929 году на одном из первых заседаний Объединения⁹. Содержание доклада пока остается невыясненным, но можно предполагать, что тема доклада указывает на переход от изучения древних памятников и реального строительства к анализу планировки традиционного города. Учитывая тот факт, что проектирование и реализация объектов жилого и общественного назначения, которые удалось произвести С.А. Лопатину, требует привязки к ситуации в городе, не обратить внимания на структуру города в этом случае было невозможно.

В числе докладов за 1928 и 1929 годы, учтённых позже на Общем собрании членов АРУ 16 января в 1930 году, ставившем вопрос «О введении в отчёт пропущенных в протоколах первых заседаний докладов», был доклад В.А. Лаврова «Вопросы, связанные с постановкой проблемы планировки г. Москвы» от 1 ноября 1929 года и Г.Т. Крутикова «Принцип подвижной планировки» от 18 ноября того же года. К этому моменту, 22 октября 1929 года С.А. Лопатин и Г.Т. Крутиков являлись членами ревизионной комиссии АРУ, а В.А. Лавров избран в кандидаты в члены Правления, так как они уже окончили ВХУТЕИН в 1928 году и имели высшее образование, что было необходимо для вступления в Объединение. Поэтому вышеназванные доклады не являлись основанием для принятия в АРУ, как это практиковалось в Объединении, а имели реальную повестку.

Остальные темы докладов касались актуальных вопросов градостроительства безотносительно к проблемам среднеазиатской архитектуры. Таким образом, в АРУ рассматривался вопрос планировки среднеазиатского города до начала разработки конкурсного проекта на соцгород Чарджуй – первом опубликованном проекте архитекторов-урбанистов в Средней Азии. И первым, кто поднял эту тему в АРУ по опыту экспедиций и практического проектирования в регионе, был С.А. Лопатин, о котором до сегодняшнего дня были известны только упоминания об участии в проектах Объединения.

Нескольким позже С.А. Лопатин выступил с сообщением об участии его в качестве представителя АРУ в совещании по обсуждению программы конкурса по строительству города Чарджуй¹⁰ на объединённом заседании Правления АРУ и общем собрании его членов 10-го апреля 1930 года. Это событие знаменует начало второго периода.

Второй период деятельности членов АРУ (1930–1932 гг.)

Этот двухлетний промежуток времени характерен пиком активности Объединения и его расформированием в 1932 году. На этом этапе темы касались проектирования столицы для Туркменской ССР соцгорода «Чарджуй» (арх. В.П. Калмыков и Л.О. Гриншпун) и проблем реконструкции и организации населённых мест Ферганской долины – городов Андижана и Намангана (В.А. Лавров, В.С. Попов).

Вышеназванные темы были опубликованы в начале 1931 года в журнале «Советская Архитектура»: конкурсный проект соцгорода Чарджуй в № 1-2 [8] и затем серия из четырех статей, где первые две статьи под общим названием «К проблеме реконструкции городов в условиях Средней Азии» опубликованы в №№ 3, 4 и третья, об организации населённых

⁸ Запрос о постройке больницы возник в 1924 году, из-за недостатка лечебных заведений в молодой республике и с развивающимся доверием к медицине к этому времени среди местного населения. Всесоюзный конкурс проходил на основе задания МАО, составленном по общим положениям Наркомздрава УзССР. Источник: Строительная промышленность. – 1926. – №9. – С. 659.

⁹ ЦГАМО, ф.6858, оп. 1, д. 34, л.38.

¹⁰ Там же, л.26.

мест в условиях хлопкового района в № 5-6¹¹. Очевидно, что разработка этих проектов велась архитекторами параллельно в 1930 году.

Согласно недавно обнаруженным документам об организации конкурса на проект соцгорода Чарджуй, совещание по выработке задания на планировку состоялось 31 марта 1930 года, а заседание жюри с предварительным осмотром проектов состоялось 21 ноября того же года. [6, с.66]. Однако точную дату начала проектирования предстоит определить, чтобы понять – являлся ли проект соцгорода Чарджуй, В.П. Калмыкова и Л.О. Гриншпуна следствием более обширного теоретического исследования о реконструкции среднеазиатских городов, выполненного представителями старшей группы учеников Ладовского – В.А. Лавровым и В.С. Поповым.

Первую публикацию «Чарджуй», в которой демонстрируется отношение АРУ к теме социалистического среднеазиатского города, подготовили архитекторы младшего призыва мастерской Ладовского – В.П. Калмыков и Л.О. Гриншпун (рис. 2). Оба автора были приняты в АРУ в 1930 году. В.П. Калмыков 15 мая, а Л.О. Гриншпун 5 июня, спустя месяц после того, как Лопатин выступил с сообщением, чтобы быть представителем АРУ на обсуждениях программы конкурса. Для них разработка конкурсного проекта соцгорода Чарджуй в Туркменской ССР стала первым опытом проектирования в иной климатической и историко-культурной ситуации. Интересным представляется тот факт, что проект нашел место в разделе «Работа архитектурных организаций». Там же опубликованы значимые проекты АРУ – Автострой и Магнитогорск, вторая декларация АРУ.

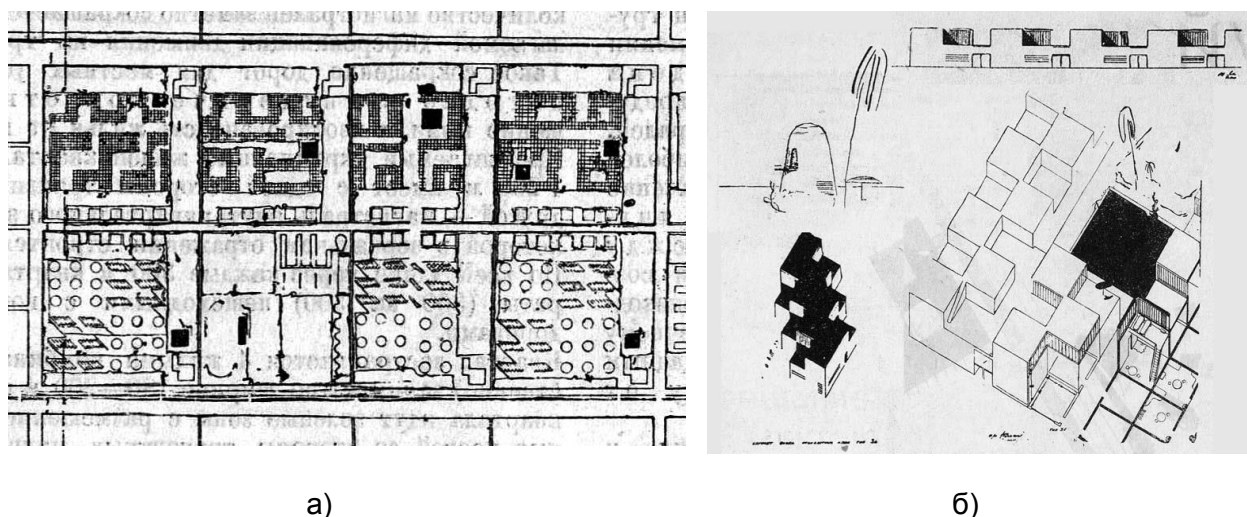

Рис. 2. Проект соцгорода «Новый Чарджуй», арх. В.П. Калмыков, Л.О. Гриншпун (1930): а) фрагмент генплана квартала; б) вариант блока стандартных жилых ячеек и элемент кустовой застройки (параболический дом)

В проектах АРУ для Средней Азии всегда участвовал опытный архитектор, знавший специфику края. В работе над проблемами реконструкции среднеазиатских городов таким архитектором был В.С. Попов. Его практическое знакомство с историей архитектуры и развитием жилья в Средней Азии началось с 1925 года и продолжалось периодически по

¹¹ Лавров В., Попов В. К проблеме реконструкции городов в условиях Средней Азии // Советская архитектура. 1931. № 3. С. 30–37. Лавров В., Попов В. К проблеме реконструкции городов в условиях Средней Азии // Советская архитектура. – 1931. – № 4. – С. 38–44; Лавров В., Попов В. К проблеме реконструкции городов в условиях Средней Азии. Организация населённых мест в условиях хлопкового района // Советская архитектура. – 1931. – № 5–6. – С. 70–78; Лавров В., Попов В. К проблеме реконструкции городов в условиях Средней Азии. Планировочная организация Андижана и Намангана как индустриальных центров агро-индустриального комплекса // Советская архитектура. – 1932. – № 1. – С. 22–35.

несколько месяцев во время учёбы и после окончания ВХУТЕИНа, вплоть до 1930 года. Для В.А. Лаврова знакомство со среднеазиатским регионом началось с проекта реконструкции городов Ферганской долины в 1930 году, тогда как В.С. Попов уже к моменту участия в этом проекте имел опыт и богатые знания в историко-культурной специфике региона.

К работе над реконструкцией городов архитекторы-урбанисты подошли будучи опытными практиками. За их плечами было множество выполненных конкурсных проектов в составе бригады АРУ. Проект планировки г. Андижан и г. Наманган в рамках реконструкции выполнялся в Гипрогоре, о чем свидетельствует личное дело В.С. Попова, который после окончания ВХУТЕИНа с 1929 по 1932 год работал там архитектором¹² [3].

В группе архитекторов существовало такое распределение выполнения проектов по городам: В.А. Лавров – г. Наманган; В.С. Попов – г. Андижан; Н.С. Беседа – г. Маргилан. Время выполнения проектов говорит о том, что архитекторы совмещали работу в Гипрогоре с деятельностью в АРУ, и это отразилось на содержательной структуре серии статей о реконструкции городов в условиях Средней Азии. Особенность этой серии публикаций о проекте В.А. Лаврова и В.С. Попова состоит в том, что только первая и вторая публикация под общим названием «К проблеме реконструкции городов в условиях Средней Азии» выпущена под эгидой АРУ. Об этом говорит не только заголовок. Основываясь на подробном анализе серии публикаций, проведенном автором в ранее опубликованной статье [4], следует кратко охарактеризовать каждую. Первая публикация архитекторов-урбанистов ставит целью осветить сложившуюся социально-бытовую ситуацию, характер и условия расселения (рис. 3а) [15]. Вторая статья предполагает решение пространственного аспекта городов с разработкой типовых кварталов, жилых ячеек без привязки к конкретному месту проектирования (рис. 3в) [16].

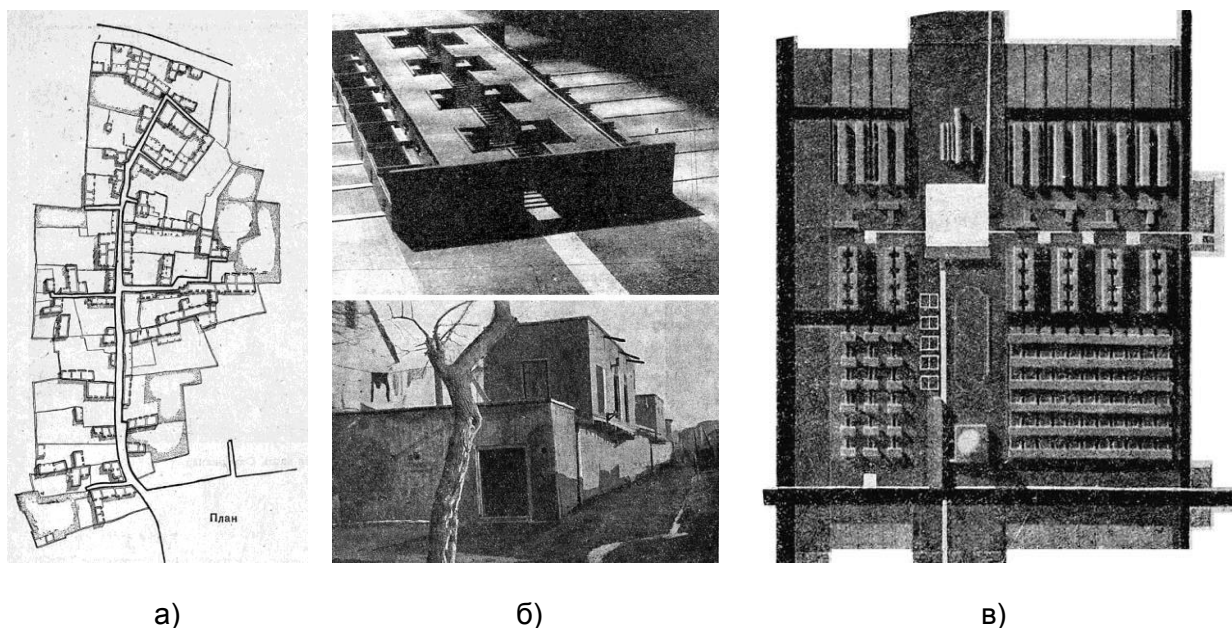

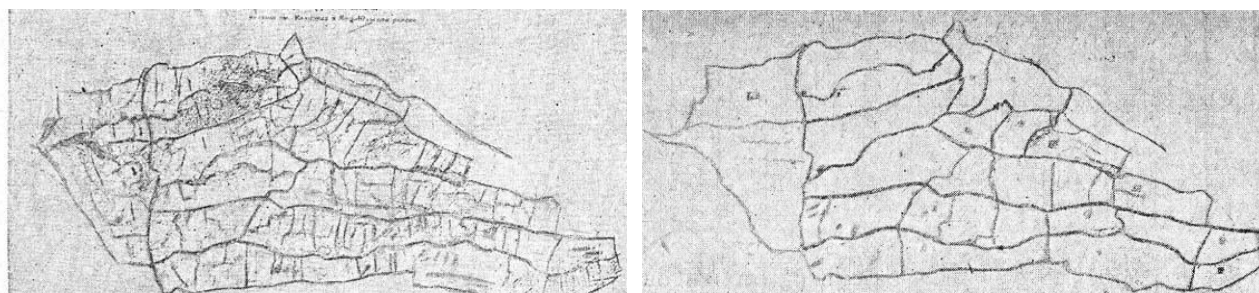
Рис. 3. Жилой квартал: а) жилая улица г. Наманган; б) тип жилого блочного дома (сверху) и типовая застройка жилого квартала (снизу); в) типовая застройка жилого квартала согласно проекта реконструкции

Исходя из этого, первые две статьи относятся к концептуальным поискам архитекторов-урбанистов, основанным на подробном теоретическом исследовании региона. В них формируется ставшее в дальнейшем привычное для рационалистов отношение к

¹² РГАЛИ, ф.2466, оп.6, ед.хр. 259.

составным частям города. Например, к жилому комплексу, как к «организму», реагирующему элементами застройки на внутриквартальное окружение.

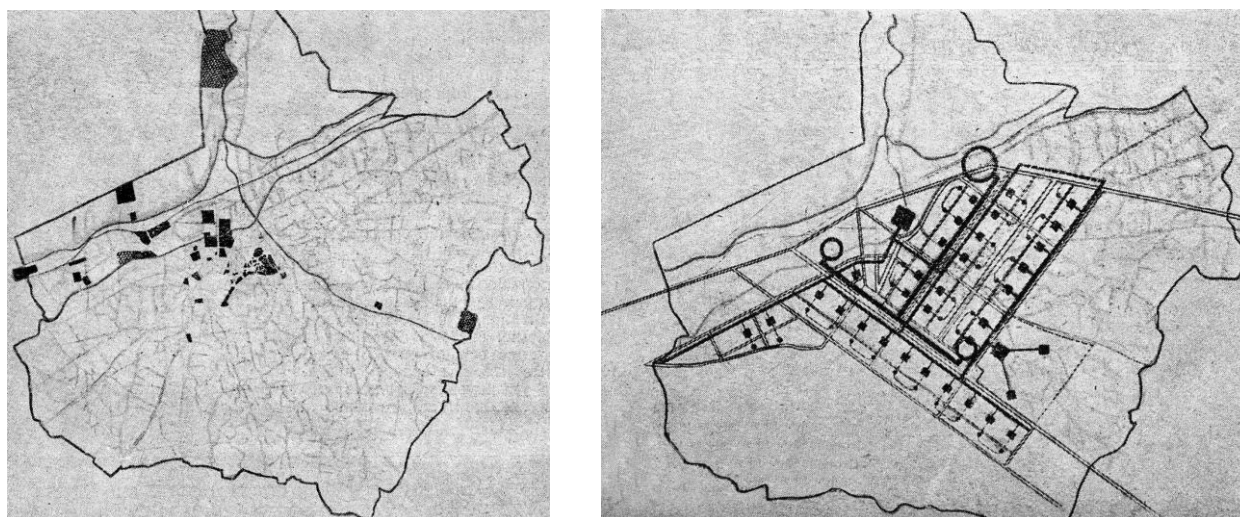
У третьей публикации архитекторов «К проблеме реконструкции городов в условиях Средней Азии. Организация населённых мест в условиях хлопкового района» иная цель – проработать технико-экономические вопросы и планировочную организацию территории долины на основе специфики поливного хозяйства (рис. 4) [17]. В итоговой четвертой статье «К проблеме реконструкции городов в условиях Средней Азии. Планировочная организация Андижана и Намангана как индустриальных центров агро-индустриального комплекса» приводятся решения планировки городов Андижан и Наманган (рис. 5).

а)

б)

Рис. 4. Последовательная реконструкция производственной организации с/х территории в условиях поливного хозяйства: а) до реконструкции поливных карт – 142, средняя площадь – 3,44 га; б) после реконструкции поливных карт – 23, средняя площадь – 25 га

а)

б)

Рис. 5. Схема размещения промышленно-складских, торговых и коммунальных предприятий г. Наманган: а) существующая; б) проектируемая

Масштаб и глубина анализа работы, проделанной В.А. Лавровым и В.С. Поповым в третьей и четвертой статьях, указывают на использование исходных данных, которые могли быть в распоряжении только крупной организации, такой как Гипрогор. Авторы не указали причастность АРУ ко второй половине исследования по причине технического характера статей, требующего использования средств проектно-изыскательной организации. Объединение АРУ, как творческая организация такими средствами не располагала.

Это подтверждается и архивными материалами, зафиксировавшими заседание Планировочной секции Научно-Технического Совета НККХ РСФСР 10 и 15 сентября 1931 года по рассмотрению проекта планировки городов Андижана и Намангана, на котором В. Попов и В. Лавров в составе группы архитекторов от Гипрогора выступали с докладами, где демонстрировались эскизы схем планировки городов¹³.

Таким образом, в серии публикаций о реконструкции городов Ферганской долины следует различать научно-проектную градостроительную работу В.А. Лаврова и В.С. Попова, выполненную под эгидой АРУ. В ней сформировались концептуальные принципы реконструкции городов. В практической части архитекторы-урбанисты адаптировали концептуальные положения к реальной экономической и географической ситуации городов на основе градостроительных схем.

Как отмечает С.О. Хан-Магомедов, переход от концептуальных градостроительных дискуссий к решению узких профессиональных задач в 1930-х годах являлся характерной чертой в творчестве многих архитекторов этого времени [26, с.104]. В связи с развернувшейся индустриализацией потребовались проектные решения, отвечающие технико-экономической стороне проектирования. Развитие темы реконструкции среднеазиатских городов в серии публикаций В. Лаврова и В. Попова является наглядным примером такого перехода. Этим завершается деятельность Объединения архитекторов-урбанистов в Средней Азии, которая началась с доклада С. Лопатина в конце 1929 года и ярко представлена двумя творческими дуэтами старшего поколения выпускников Н. Ладовского – В.А. Лаврова и В.С. Попова и младшего – В.П. Калмыкова и Л.О. Гриншпуна.

Третий период (1933–1940-е гг.)

После расформирования АРУ в 1932 году архитекторы продолжили работать над архитектурно-градостроительными проектами для среднеазиатского региона и совмещать проектирование с активной публикационной деятельностью. Как было отмечено ранее, члены АРУ приступили к проектированию городов в Средней Азии изучив на личном опыте историко-культурную, природную и климатическую специфику региона. Однако именно на третий период деятельности архитекторов-урбанистов приходится основное количество публикаций по истории и актуальным архитектурно-градостроительным проблемам Средней Азии.

Изучением этих проблем в середине 1930-х годов занимались в основном энтузиасты, а в конце 1930-х тему продолжали только единицы [23, с.124], в том числе В.А. Лавров и В.П. Калмыков. Для В.С. Попова, начинавшего свою деятельность в регионе с изучения памятников старины, третий период характеризуется единственным выявленным на сегодня проектом жилого дома для колхозника Средней Азии, предположительно относящимся ко второй половине 1930-х – началу 1940-х годов. Описание проекта имеется в ранее опубликованной автором статье о творчестве В.С. Попова [3]. Исследование актуальных архитектурно-градостроительных проблем среднеазиатского региона для бывшего архитектора-урбаниста завершается на втором этапе серией публикаций о реконструкции городов Ферганской долины в соавторстве с В.А. Лавровым и к середине 1930-х годов не находит развития.

Несмотря на предыдущую деятельность, активность В. Лаврова и В. Калмыкова в АРУ, где главенствовала общность участников¹⁴ и приверженность идеям рационализма, отличия в

¹³ ГА РФ, ф. А314, оп. 1, ед. хр. 8032, л. 21.

¹⁴ Из протокола №22 Общего собрания членов АРУ от 13 марта 1930 г.: «Принимая во внимание, что группа, работавшая по проектированию поселка Автостроя, недостаточно использовала опыт остальных членов АРУ, что дало в результате проект, который при обсуждении его в Общем

их подходе к решению общей задачи – реконструкции традиционного среднеазиатского города – особенно ярко проявляются после распада АРУ в обстановке стилевой переориентации на постконструктивизм и сталинский ампир.

В начале третьего периода получают признание результаты изучения В. Калмыковым архитектурно-планировочных вопросов социалистического расселения в Киргизской АССР (1932–1933 гг.). Академия наук СССР по инициативе киргизского правительства организовала в 1932 году комплексную экспедицию по изучению этого вопроса. Исследование по результатам экспедиции должны были послужить базой планового изучения природных богатств республики. Участие в этом исследовании принимала и Коммунальная академия РСФСР с целью разработки темы: «Организация населённых пунктов в Киргизской АССР в связи с размещением производительных сил и перспективами развития народного хозяйства Киргизии во вторую пятилетку с учётом фактора оседания кочевого хозяйства» [1, с.31].

Ещё одним важным результатом этой работы стал кинофильм о социалистическом расселении в Киргизии. Сценарий и постановка выполнены В. Калмыковым. Как следует из описания, это первый в СССР научно-методологический, экспериментальный фильм об архитектуре и планировке социалистических городов¹⁵. Фильм состоял из трёх частей. В первой части демонстрируется обследование исторической архитектуры городов и кочевых поселений на основе натурных съёмок 1932 года экспедиции Академии наук СССР и академии Коммунального хозяйства в Средней Азии. Вторая и третья части посвящены методологической последовательности работы над проблемой расселения: принципам районной планировки и типизации поселений, принципам проектирования новых типов жилищ, жилкомплексов – кварталов, планировки городов и посёлков.

Экспериментальный проектный материал, собранный В. Калмыковым на основе полевых выездов и обработанный им в рамках кандидатской диссертации «Архитектурно-планировочные проблемы социалистического расселения Средней Азии в связи оседанием кочевников», сформировал его личную теорию объёмно-пространственных построений. Материалы данного исследования легли во вторую часть сборника «К вопросу о социалистическом расселении в Киргизской АССР», но были опубликованы Академией Наук с запозданием, в марте 1935 года, на что указывают авторы сборника.

Из описания подготовленной В. Калмыковым части следует, что при сохранении местных национальных форм, его работа как архитектора-планировщика «...даёт методы их наиболее целесообразного использования, вкладывая в них при этом новое социалистическое содержание. <...> Еще более ценной делает работу богатый иллюстративный архитектурно-проектный и графический материал» [2, с.7-8].

К моменту выхода сборника в марте 1935 года В. Калмыков последовательно публиковал свои наработки по этой теме в разных журналах. Последующие публикации связаны с проектом физкультурного комбината в Ташкенте. Поэтому развитие темы соцрасселения в связи с оседанием кочевников на третьем этапе можно проследить по публикациям архитектора. Впервые такой анализ был выполнен С.О. Хан-Магомедовым в монографиях, посвященных творчеству В. Лаврова и В. Калмыкова [26; 27]. Дополнением к проделанному Хан-Магомедовым исследованию служат публикуемые в данной статье новые архивные данные и неизвестные ранее публикации бывших архитекторов-урбанистов, которые позволили ближе рассмотреть их деятельность в регионе после распада АРУ.

Собрании вызвал ряд существенных замечаний, - признать желательным, чтобы на будущее время члены АРУ, работающие по определенным заданиям, своевременно входили в тесный контакт с Правлением и другими членами Объединения и до сдачи проектов делали доклады о них на Общих Собраниях членов АРУ». ЦГАМО, ф.6858, оп. 1, д. 34, л.24.

¹⁵ Кинофильм социалистическое расселение в Киргизии // Строительство Москвы. – 1934. – №2.

Первые две статьи В. Калмыкова были опубликованы в ноябре-декабре 1933 года. Статья под названием «К вопросу изучения исторической архитектуры Средней Азии» знакомит с особенностями исторического наследия, с теми элементами жилых и общественных сооружений (внутренние дворы, каналы, бассейны, зелёные насаждения), которые должны учитываться в композиции новых или реконструируемых существующих городов как часть архитектурного ансамбля, а не утилитарные единицы. Подробно описывается устройство традиционного переносного жилища кочевников – юрты. Иллюстрации в этой статье представлены фотографиями мавзолеев, фрагментов архитектурных деталей самаркандских и бухарских памятников с типичной отделкой стен и резьбой. Призыв архитектора к критическому освоению и изучению элементов архитектурной организации (окраска и обработка стен, фактурная обработка деталей, резьба и др.) является ключевым в понимании выработанной стилистики В. Калмыкова, так же как отмеченные им орнаментальные композиции в художественной культуре Востока: «...стремление к геометрической выразительности внешней формы и внутреннего пространства жилья (круг и купол), к чёткому орнаментальному рисунку» [9, с.46] (рис. 6).

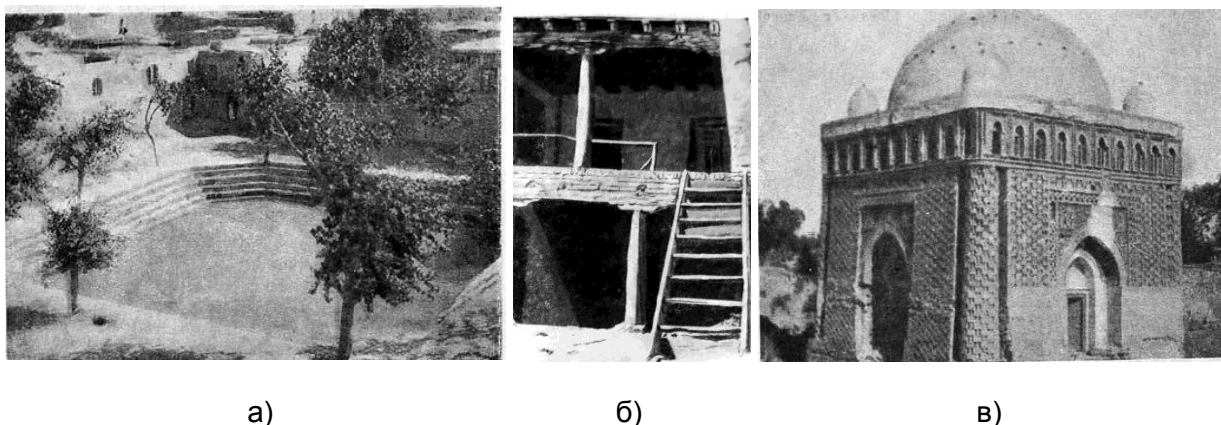

Рис. 6. Композиционные и архитектурные элементы жилых и общественных сооружений: а) водный бассейн «хауз»; б) навес летней части жилого дома с деревянными конструкциями и лестницей; в) каменные конструкции куполов, арок, их облицовка кирпичом, мозаикой

Во второй статье с названием «Наш проект» В. Калмыков публикует свои экспериментальные проектные наработки (рис. 7), которые базировались на элементах из предыдущей статьи [10, с.24]. Их перечень определил структуру этой статьи. К ним относятся:

- архитектурная структура сооружений в сейсмических районах;
- архитектурные принципы проектирования новых жилых сооружений;
- архитектурно-пространственные и планировочные принципы композиции сооружений;
- жилые сооружения в условиях долин-оазисов, в пустынной и полупустынной местности, горных условиях;
- галерейный, круглый жилой тип дома, стационарное жильё, блоки стандартных жилых элементов, жилые сооружения в условиях оседания кочевников;
- архитектура и конструкция высоких сооружений.

Подробный анализ вышеназванных принципов и типов жилья не входит в рамки сегодняшней публикации и требует специального рассмотрения.

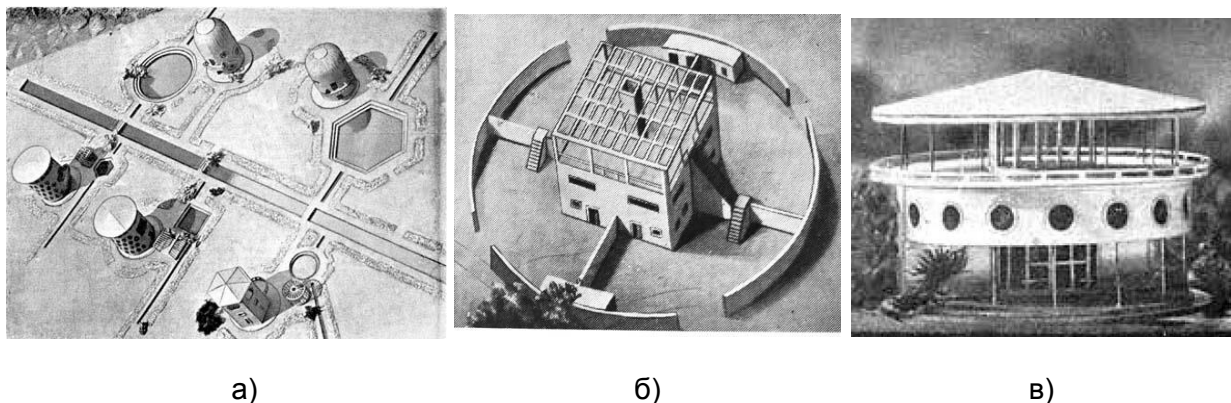

Рис. 7. Объёмно-пространственное построенное в жилье для оседающих кочевников: а) группа домов вдоль арыка с бассейнами; б) блок из четырёх стандартных полутораэтажных квартир; в) тип круглого дома с навесом от перегрева

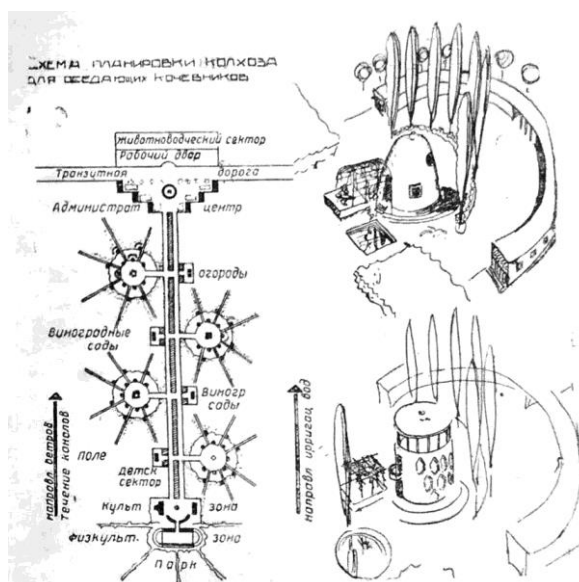
Следующая статья под названием «Архитектурно-планировочная структура старых городов Средней Азии» была опубликована в мае 1934 года. Если в предыдущих публикациях вопросы планировки затронуты частично, то здесь этот вопрос рассмотрен специально. Анализируется специфика зонирования города, видов общественных сооружений, образованных давно сложившимися социально-культурными условиями: чайхана (прототип клуба), караван-сарай (своеобразные гостиницы), бани, рынки. Все они имели практическое значение для современного строительства. Как и в предыдущих статьях архитектора интересует типологическое разнообразие исторических объектов, их архитектурно-пространственное и конструктивное строение [11, с.20].

Далее, в публикации за февраль 1935 года об архитектурно-планировочных проблемах Средней Азии В. Калмыков иллюстрирует способы реконструкции города Фрунзе, связь кочевых привычек со стационарной планировкой. Появляется графический материал в виде схем планировок колхозов для оседающих кочевников (рис. 8а), поселка в пустынно-степной зоне. Впервые приводятся и схемы планировки курортов Средней Азии. Интересно, что приведены ссылки на труд санитарного врача П.А. Мехоношина, где сравнивается бытовой уклад татар (сходство плана юрты с избой) и двор русского крестьянина в контексте оседания кочевников. В татарском дворе разбросанность построек обусловлена разделением жилых построек от хозяйственных. С санитарной точки зрения разрывы между постройками способствуют наличию обилия воздуха и света. Важным выводом В. Калмыков называет то, что оседающие кочевники переносят в стационарное жильё элементы переносной юрты, а в планировку усадьбы «пейзажное» свободное расположение построек, как в условиях кочевья (рис. 8б) [12, с.31].

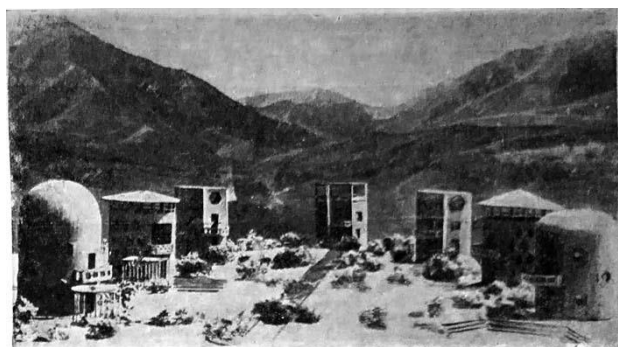
Тем самым, обнаружив огромное количество средств выразительности формы средневековой архитектуры в сочетании с раскованностью объёмно-пространственных построек, В. Калмыков вышел за рамки постконструктивизма и неоклассики [27, с.99]. Солидный опыт работы и высокая степень проработанности темы позволили ему стать авторитетным и самобытным профессионалом в вопросе привнесения инновации в национальную архитектуру СССР со свойственной только ему стилистикой (рис. 7). Архитектору удалось реализовать ни на чей не похожий «стиль» в дальнейшем при работе над проектами кинотеатра в г. Нукусе и Центрального физкультурного комбината Средней Азии в Ташкенте (1934 г.) [27, с.124].

Своего рода «градостроительную традицию» Объединения АРУ В. Калмыков продолжает в последнем для него проекте для Средней Азии – физкультурном комбинате в Ташкенте. Проект был выполнен им во время работы в Строительном управлении Высшего Совета

физкультуры на должности старшего архитектора с 1934 по 1935 годы¹⁶. Традиция заключалась в учёте не только климатических и национальных особенностей, но также и в четко поставленном вопросе использования пейзажа в архитектурной композиции: «...Проект стремится в группировке сооружений оформить и открыть перспективы на красивые горы Чимганского хребта. <...> Трибуна на 30 тысяч мест, поставленная на наиболее высоком месте участка, спадает амфитеатром до уровня физкультурного ядра, которое переходит в площадь массовых действий, включающую в себя канал Салари и большой полукруглый бассейн, оформленный на противоположном берегу террасами, спадающим к воде. <...> Такая композиция даёт возможность широко и красиво развернуть массовые действия» [13, с.28].

а)

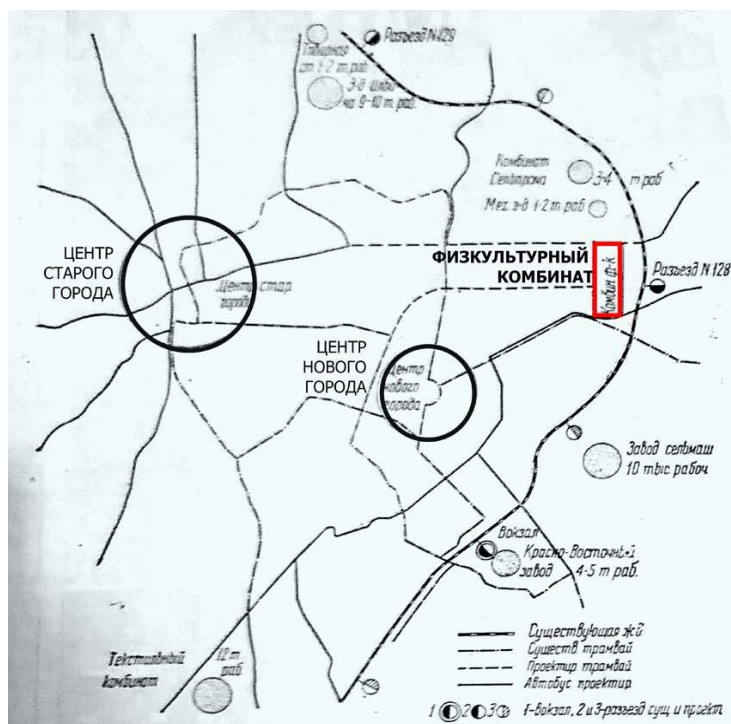
б)

Рис. 8. Планировочная часть проектной работы В.П. Калмыкова: а) планировка посёлка оседающих кочевников и детали усадеб с типами экспериментальных жилых домов; б) новые типы жилых домов оседающего колхоза в условиях типичного пейзажа предгорий Тянь-Шаня (фотомонтаж)

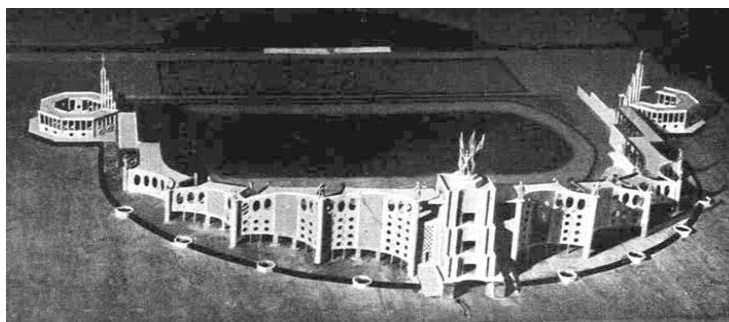
Основанная на обзоре опыта проектирования крупнейших стадионов страны, статья В. Калмыкова посвящена увязке сети спортивных сооружений со структурой города (рис. 9а). Отмечено значительное влияние этой сети на транспорт и архитектурную композицию городского комплекса. Ниспадающая к торцам стадиона форма трибун исключает места с плохой видимостью. Параболический изгиб придаёт выразительность объекту в плане и на

¹⁶ РГАЛИ, ф. 2466, оп.7, ед.хр. 370; оп.8, ед.хр. 149.

фасаде (рис. 9б). Особое внимание к вопросам восприятия человеком комплекса сооружений в окружающей среде всегда являлось основополагающим принципом АРУ и тем самым выгодно отличало проекты архитекторов-урбанистов от проектов соцгородов таких организаций, как ВОПРА и ОСА. В проекте для г. Чарджуй, пятью годами ранее, В. Калмыков (совместно с Л. Гриншпуном) из-за необходимости использования сейсмостойкой малоэтажной застройки старался преодолеть её «скучное однообразие, затрудняющее ориентировку в системе города» путём архитектурных комбинаций из стандартных элементов жилья. Это создало разнообразие в кварталах, которое нарушал тянувшийся пустынный ландшафт.

а)

б)

Рис. 9. Проект Центрального физкультурного комбината в г. Ташкенте:
а) на схеме г. Ташкента; б) главный фасад (макет)

В обстановке смены стиля на постконструктивизм В. Калмыков применял полученные от Н. Ладовского архитектурно-градостроительные принципы в последнем для него проекте для Средней Азии, значимость которого очевидна. В проекте архитектор демонстрирует сочетание этих принципов с суммой найденных ранее объёмно-пространственных приёмов для национальной архитектуры, которые сформировали его собственный стиль.

Параллельно с проектно-исследовательской работой для Средней Азии В. Калмыков занимался проектированием кинотеатров, будучи на должности руководителя архитектурно-проектной мастерской управления Кинофикации РСФСР (1935–1938 гг.) и «Союзкинопроекта» (1938–1941 гг.)¹⁷. После войны он окончил аспирантуру Академии архитектуры СССР, получив степень кандидата архитектуры, и продолжил деятельность в «Гипрокино» старшим архитектором-автором (1946–1950 гг.)¹⁸.

По мнению Хан-Магомедова, статья В.А. Лаврова (совместно с В.С. Поповым) «15 лет планировки городов», опубликованная в конце 1932 года, это «...своеобразное прощание молодых сторонников авангарда с экспериментальными творческими концепциями, связанными с идеями социалистического расселения и перестройки быта» [23, с.109]. Как было описано ранее, адаптация к реальной экономико-географической ситуации градостроительных вопросов в проекте Ферганской долины уже в середине 1931 года наглядно демонстрирует уход от экспериментальных поисков.

В творчестве В. Лаврова середины 1930-х годов С.О. Хан-Магомедов выделял две сферы градостроительной специализации: освоение и осмысление общих градостроительных проблем, а также внедрение этих общих разработок в условия Средней Азии [26, с.105]. К тем общим разработкам градостроительства середины 1930-х годов можно отнести переход от поисковых социальных проектов новых городов, жилых комплексов и жилкомбинатов к формально-композиционным проблемам» [26, с.109]. Их внедрение в условия Средней Азии, а именно в проект г. Чирчикстроя, не обошлось без анализа архитектурно-градостроительной традиции региона, специфики быта. Несмотря на обретенный ранее большой в этом опыт, полученный при работе над реконструкцией городов Ферганской долины в 1931–32 одах, сфера интересов в публикациях В. Лаврова периода 1934–1940-х годов касается особенностей древней среднеазиатской архитектуры. Это указывает на историко-исследовательское направление деятельности, а разработка города Чирчик и реализованный там же проект гостиницы-общежития – на практическое направление деятельности В. Лаврова на третьем этапе в Средней Азии.

С разницей больше, чем в полгода с момента публикации первой статьи В. Калмыкова об изучении исторической архитектуры Средней Азии (ноябрь-декабрь 1933 г.), В. Лавров начал третий этап с публикации на тему жилищной архитектуры среднеазиатского города (август 1934 г.). В своей первой статье «Жилищная архитектура среднеазиатского города» архитектор вышел далеко за рамки анализа типологии жилища (рис. 10б) [19]. Им наглядно проиллюстрирован схемами жилой квартал старого города, система его улиц и жилого застройки центра и окраины города (рис. 10а). Как и в статьях предыдущих лет, посвященных городам Ферганской долины, архитектор выделял элементы, имеющие возможность применения в современной архитектуре Средней Азии (тот же принцип кустовой застройки, но с более развитой сетью общественных сооружений) и те, что требовалось упразднить (социально-бытовые, возникшие в условиях феодально-патриархального общества).

Впервые В. Лавров подробно изучает планировочную структуру и образное решение таких общественно-жилых сооружений как ханаки и медресе (рис. 10в). На примере религиозно-культового типа здания автор указал на систему «последовательно возрастающих масштабных рядов от малых по размеру арок перед помещениями худжр до гигантского портала пештак – главного входа», а надпись на стене медресе Шир-Дор является способом подчеркнуть «противопоставление архитектурных масштабов и величия сооружения обыденному пространству, необходимому для повседневной жизни человека» [19, с.43]. Здесь начинается проявляться интерес В. Лаврова к взаимодействию объекта с пространством, что послужило разработке вопросов архитектурно-планировочного ансамбля.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

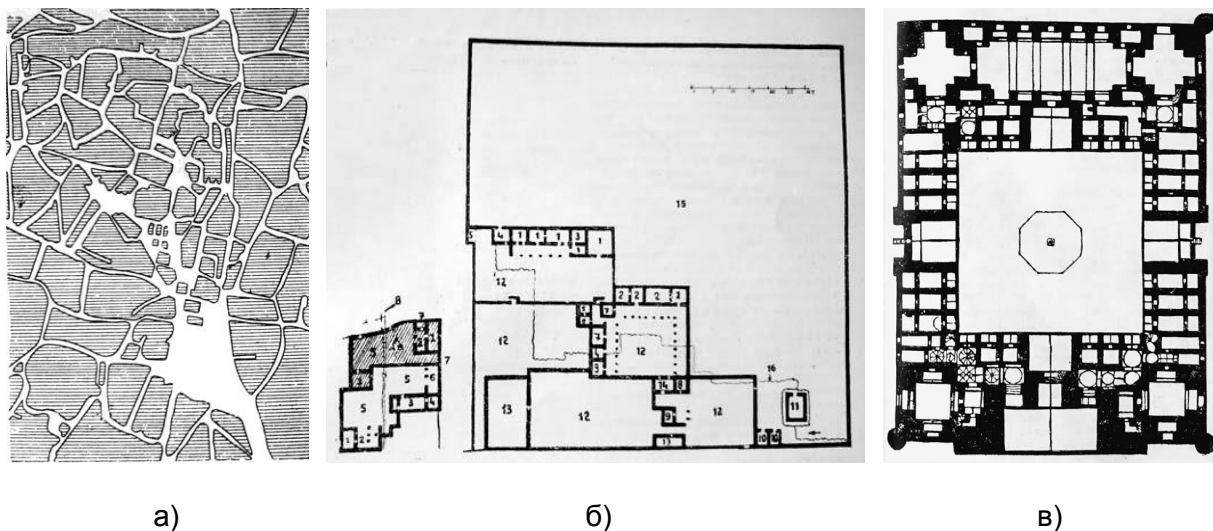
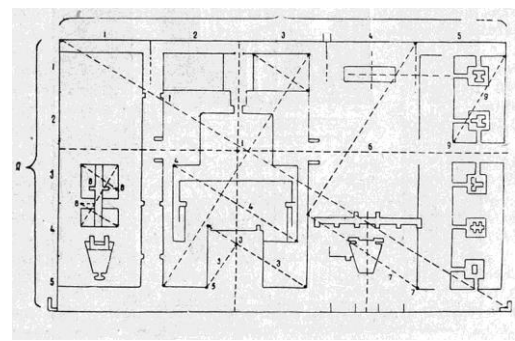

Рис. 10. Основные компоненты среднеазиатского города: а) соотношение улиц и участков в районе центрального базара г. Андижан; б) план небогатого (слева) и крупного (справа) жилого дома; в) план медресе Улугбека

В статье «Архитектурно-планировочный ансамбль» В. Лаврова, изданной в рамках доклада в академии Архитектуры об архитектурно-пространственной организации ансамбля, архитектор рассматривал два вопроса: «1) об основных средствах достижения композиционного единства всего комплекса при организации больших пространств, включающих архитектурные единицы, находящиеся в различных условиях зрительного восприятия (например, единовременное восприятие близко и далеко расположенных от зрителя зданий); 2) о границах пространственной протяженности групп сооружений, образующих ансамбль» [20, с.118-119]. Примером композиционного единства из-за однородности форм сооружений, входящих в состав ансамбля, является площадь в Самарканде (рис. 11а). Пропорциональное расчленение пространства площади достигает чувственно-зрительного восприятия, когда её акцентные точки закреплены (фонтаном, углом здания и т.д.) (рис. 11б). Применение эстетической системы «золотое сечение» в больших масштабах превращается в абстрактный графический приём и не организует конкретно-зрительного характера пространства (рис.11в).

В статье очевидным свидетельством обращения к вопросам психовосприятия человеком архитектурного пространства, занимавшим Н. Ладовского и его соратников в АРУ, являются тезисы о средствах пространственной выразительности архитектурно-планировочного ансамбля, которые «дают большую или меньшую степень эмоциональной напряженности в зависимости от качественного уровня формального решения. Эта образная сторона определяет общественную роль и значение архитектурного комплекса не только как утилитарно-технического произведения, но и как произведения искусства, способного посредством внешней выразительности пространственных форм вызывать в общественном человеке определенные чувства и реакции» [20, с.126-127].

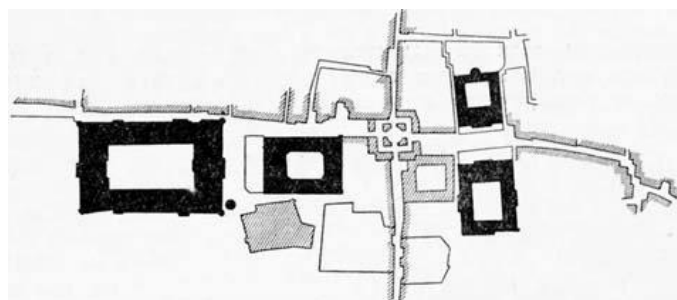
В следующем докладе В. Лаврова на зимней сессии 1935 года под названием «Архитектурно-планировочная композиция среднеазиатского города. Материалы к вопросу архитектурно-пространственной организации ансамбля» через сформировавшиеся в предыдущем докладе первопричины образования ансамбля и его компоненты тщательно рассмотрены особенности взаимодействия образа здания с площадью. Выделяют эту публикацию среди всех исследовательских работ В. Лаврова, посвященных Средней Азии, глубокое знание средневековой истории края.

B)

Рис. 11. Примеры организации городского ансамбля в социально-историческом развитии: а) Регистанская площадь в Самарканде, медресе Улугбека, справа – Шир-Дор, сверху – Тилля-Кари; б) схема планировки площади в Фарнезе, Рим; в) схема планировки «Мунданеума» – Ле Корбюзье

Благодаря тому, что в статье приведены ссылки на труды знаменитого востоковеда В.В. Бартольда, записи дневников испанского посла де Клавихио – свидетеля той эпохи, В. Лаврову удалось показать общественно-политическое, экономическое устройство городов в их развитии и то, как это устройство оказывало влияние на структуру города (рис. 12).

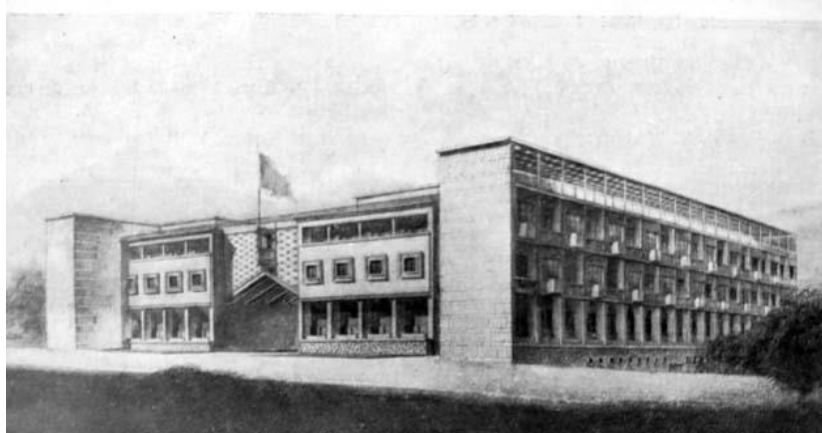

B)

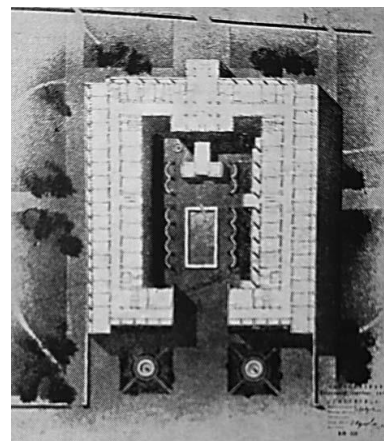
Рис. 12. Примеры композиционной связи улицы и площади со зданием: а) план центральной торговой улицы г. Бухары; б) комплекс медресе Улугбека и Абдулазис хана и медресе Мир-Араб, мечети Калян, г. Бухара; в) план площади Мейдан-и-Шах, г. Исфахан, Иран

Далее, по публикациям 1940-х годов можно заметить, как изучение истории средневековой архитектуры Средней Азии обрело для В. Лаврова историко-археологический уклон. Цель историко-теоретических исследований середины 1930-х годов принципиально мало чем отличалась от той, что ставили перед собой архитекторы в начале 1930-х годов. Объединяет эти разработки поиск актуальных планировочных элементов, требующих адаптации в современную архитектуру без «механического» копирования и исключения социально-бытовых факторов, признанных пережитками прошлого. Вышеназванными публикациями на третьем этапе своей деятельности В. Лавров стремился определить ценность феодальной планировочной системы для строительства новых и реконструкции старых городов в реалиях градостроительства национальных республик. Способы сохранения исторического комплекса с имеющейся масштабностью, ритмичностью и социальным статусом объекта изучались В. Лавровым для того, чтобы ввести эту единицу в композицию нового или реконструируемого города, как самостоятельную часть [21, с.258].

Большую часть обширного исследовательского опыта архитектору удалось реализовать на практике в проекте гостиницы-общежития г. Чирчикстроя (рис. 13). Время выполнения проекта (1934–1935 гг.) совпадает с подготовкой рассмотренных выше историко-теоретических исследований В. Лаврова. Проект группы архитекторов, среди которых его однокурсники (Т. Варенцов, А. Сильченков – ученик Н. Ладовского, ранее занимался перепланировкой г. Ташкента с С. Гельфельдом), выполнен в Москве архитектурным бюро Гидростройпроект под руководством архитектора Г.М. Орлова и при консультации профессора В.А. Веснина.

а)

б)

Рис. 13. Проект гостиницы-общежития в г. Чирчик, арх. В.А. Лавров: а) перспектива; б) план

Город Чирчик – это пример нового города, где нет исторического комплекса, который бы требовал увязки с ним новых районов. Вместо единства исторического комплекса и новых районов возникла необходимость приведения к архитектурному единству разнородных по назначению планировочных районов: промышленного комплекса – химкомбинат и жилого массива – постоянного посёлка (рис. 14). По описанию В. Лаврова, из-за сложности рельефа подчинить одному центру весь ансамбль не удалось, поэтому районы рассматривались как самостоятельные единицы. Средством, их объединяющим, послужила система четырёх площадей-въездов, чередующихся вдоль основной магистрали. Отсутствие перспективного завершения площадей подчеркивает характер сквозного движения через них [22, с.48]. Этот основной композиционный приём наглядно демонстрирует воплощение идеи В. Лаврова о четырёхмерном восприятии архитектурного ансамбля в пространстве и во времени [20, с.127]. Потому как восприятие архитектурно-художественных свойств площадей зависит от скорости движения по магистрали и

последовательности восприятия. В статье «Проект Чирчикстроя» по-прежнему отмечено внимательное отношение к особенностям пейзажа: цепь снеговых горных вершин, складки холмов образовывали широкую панораму, ради которой архитекторы прибегли к приёму открытых перспектив [22, с.48]. В объёмно-пространственном решении гостиницы учтены положительные традиционные приёмы древних зодчих Средней Азии. Ранее подробно изученные особенности общественных и жилых зданий отразились в проекте использованием галерей для сквозного проветривания, лоджий и балконов, расположенных в шахматном порядке, которые выступают и западают, тем самым играя на фасаде тенями. Фактура поверхности и скромная орнаментация также нашли применение в гостинице-общежитии г. Чирчик (рис. 13). Следует отметить схожесть планировочного решения с планом медресе: замкнутый двор, расположение жилых ячеек (рис. 10в).

Подводя итог деятельности В. Лаврова, следует указать на ранее никем не рассмотренные публикации. Его статьи дают представление о широкой эрудиции архитектора, которую отмечал Хан-Магомедов говоря о научно-исследовательском таланте В. Лаврова [26, с.115]. В начале 1937 года В. Лавров (совместно с Т. Варенцовым) опубликовал так называемые «заметки архитектора» о древних памятниках архитектуры Грузии и Армении. На фото и рисунках авторов приведены их личные впечатления от посещения монастырей, «пещерной» архитектуры и сложных условиях строительства в горах¹⁹. Интерес к истории памятников старины у В. Лаврова распространился на страны со специфическими условиями, отличными от европейских: Грузия, Армения, а также античного и средневекового Крыма, о чем свидетельствуют заметки В. Лаврова в сентябрьском выпуске 1940 года²⁰.

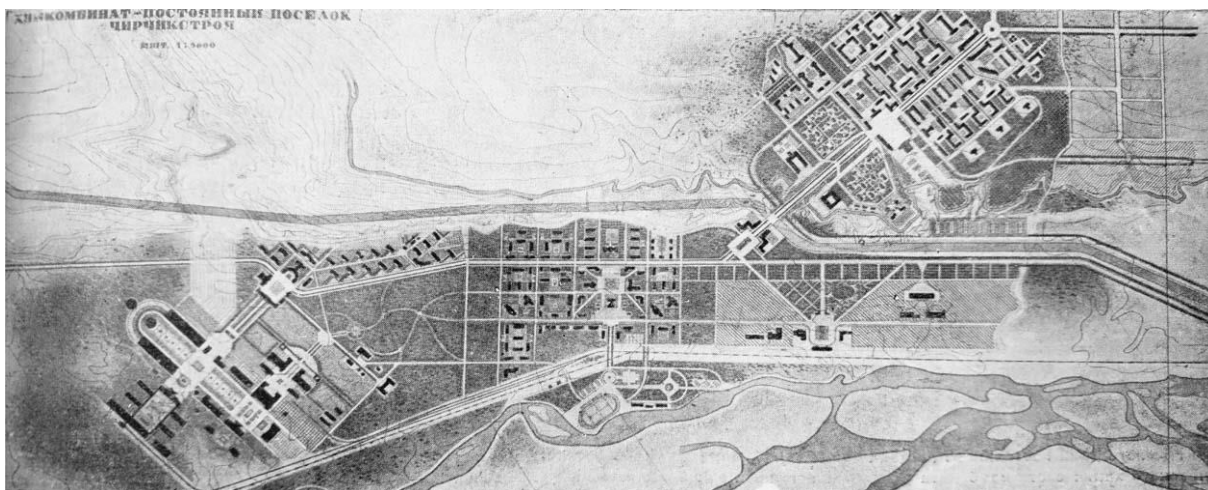

Рис. 14. Химкомбинат. Постоянный посёлок Чирчикстроя. «Верхний город» в северной части

Немного раньше, в мартовском выпуске журнала «Архитектура СССР» 1940 года обнаружены рецензии В. Лаврова о вышедших в 1939 году трудах: книге Б.П. Денике «Архитектурный орнамент Средней Азии» и сборнике трудов Среднеазиатского индустриального института, выпуск которого содержит статьи профессора Л.Н. Воронина и В.Л. Ворониной – известных специалистов по истории среднеазиатского искусства. В рецензии В. Лавровым затронута проблема совершенно недостаточно разработанных вопросов архитектурного наследия народов СССР, несмотря на работу, ранее произведенную уже в советское время. Множество материалов, добытых научными

¹⁹ Лавров В.А. По Грузии и Армении (заметки архитектора) // Архитектура СССР. – 1937. – № 1. – С. 60–68.

²⁰ Лавров В.А. По античному и средневековому Крыму (заметки архитектора) // Архитектура СССР. – 1940. – № 9. – С. 63–73.

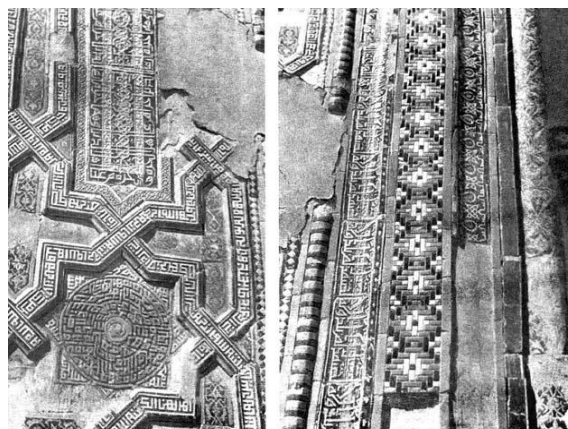
учреждениями в экспедициях, хранится без использования, они опубликованы лишь частично в специальных изданиях и малодоступны широкому кругу читателей²¹.

По мнению автора, лучшим для восприятия архитектором-практиком способом иллюстрирования материала является обмер с натуры. Текст должен сопровождать иллюстративный материал, но не наоборот – таков был подход В. Лаврова к раскрытию темы национальной архитектуры в публикациях. Действительно, тексты архитектора всегда отличались наличием аналитических иллюстраций. В студенческие годы архитектор сотрудничал с журналом «Строительство Москвы» в качестве художника-оформителя, поэтому в рецензии отмечен низкий уровень полиграфической стороны книги об орнаменте: «Воспроизведение серо и тускло, а псевдовосточная орнаментация книги выглядит аляповато и безвкусно рядом с великолепными образцами среднеазиатской орнаментики <...> Обе рецензируемые книги, посвященные одной теме и появившиеся в свет почти одновременно, со всей очевидностью указывают на настоятельную необходимость приступить к изданию сводной, обобщающей работы по архитектуре Средней Азии» [24, с.69].

Спустя ровно год с момента выхода рецензий выходит публикация «Цвет в архитектуре Средней Азии». Одна из немногих, если не единственная статья об архитектуре Средней Азии, где размещено цветное изображение (рис. 15). В данном случае это фрагмент каймы панелей одного из мавзолеев группы Шах-и-Зинда в Самарканде (зарисовка арх. Г. Локшина 1940 г.). В статье затронуты вопросы о времени и условиях, когда орнаментальная декоративность и цветность была привнесена в ущерб структурности. Например, произошедший разрыв между архитектурной и декоративной формой в тимуридскую эпоху [25, с.66].

а)

б)

Рис. 15. Архитектурный декор в средневековой архитектуре Средней Азии: а) фрагмент каймы в одном из мавзолеев группы Шах-и-Зинда; б) деталь портала в мавзолее Шах-и-Зинда (слева) и Эмира Бурундука (справа)

Не вызывает сомнений то, почему отзыв о трудах крупных специалистов, как Б. Денике доверили В. Лаврову. Очевидно, что отношение к архитектору, как признанному исследователю, чья сфера деятельности к 1940 году была связана с архитектурно-градостроительной теорией и практикой, исследованиями в области истории национальной архитектуры, а позднее и с реставрацией, сыграло важную роль.

²¹ В марте (№3) 1927 года редакцией журнала «Строительная промышленность» ставился вопрос об изложении в журнале достижений в области реставрации. Памятники старины, в том числе и среднеазиатские, считались народным достоянием, а популяризация их истории среди широкого круга читателей очевидной.

Во время войны свой богатый опыт в исследовании памятников старины В. Лавров обратил на восстановление памятников русского зодчества, потерпевших от разрушений фашистских захватчиков. В публикации «Неотложные вопросы восстановления памятников русского зодчества» (1944 г.)²² архитектором ставился ряд вопросов, предостережений относительно практики восстановления памятников, об уместности полного восстановления или частичной реставрации. Годом позже он представил эскизный проект восстановления Великого Новгорода, выполненный под руководством академика А.В. Щусева²³.

Научный интерес В. Лаврова развивался от решения вопросов актуальной архитектуры Средней Азии посредством исследования её исторических приёмов. В дальнейшем изучение завершилось фундаментальным трудом об архитектуре древнего периода и второй половины XIX века: «Градостроительная культура Средней Азии» (1950 г.).

Заключение

Почти пятнадцатилетняя деятельность архитекторов-рационалистов в Средней Азии (с 1925 по 1930-е гг.), рассмотренная в данной статье, была яркой и важной не только для их творчества, но и для становления и развития национальной архитектуры Средней Азии. Самые активные ученики Н.А. Ладовского, относящиеся к ядру творческого течения рационализм: В.А. Лавров, С.А. Лопатин, В.С. Попов, В.П. Калмыков оставили ценное наследие, которое касается сохранения памятников древнего зодчества и внедрения традиций через экспериментальные наброски и реальные проекты в актуальную социалистическую архитектуру Средней Азии. Аналитический подход к обнаружению необходимых в использовании архитектурно-художественных приёмов и элементов объединял архитекторов на всем протяжении их деятельности. Тем не менее, для каждого из этих учеников Н.А. Ладовского он сформировался по-разному, каждый внёс свой вклад на определённом этапе.

Так, в данной статье впервые выявлена роль Сергея Лопатина, как первого члена АРУ, поднявшего вопрос о планировке среднеазиатского города на одном из первых заседаний Объединений, а также его участия как представителя АРУ в составлении программы конкурса для г. Чарджуй [6]. Атмосфера внутреннего обмена опытом в АРУ могла послужить тому, что личный опыт Виктора Калмыкова (родился и прожил до 18 лет в г. Ташкент) и знание региона по опыту экспедиций и проектной работы Сергея Лопатина и Валентина Попова на первом этапе (1925–1929 гг.) были использованы в решении вопросов АРУ в проекте для г. Чарджуй и реконструкции городов Ферганской долины на втором этапе (1930–1932 гг.), так как эти проекты строились на исследовании сложившейся социально-бытовой ситуации и архитектурных традиций региона.

После расформирования Объединения АРУ (третий период 1933–1940-е) особенно проявляется разница творческих подходов В. Калмыкова и В. Лаврова. В разработке решения проблем «оседания кочевников» В. Калмыков проявил себя как архитектор-экспериментатор, разработавший личную стилистику, реализовать которую на практике, к сожалению, не удалось. Оригинальность и специфичность «космических» набросков не могла найти подражателей или тех, кто смог бы её продолжить развивать [27, с.100]. Все его проекты были выполнены без соавторов, как отмечал С.О. Хан-Магомедов.

В творчестве В. Лаврова очевиден строго аналитический подход. Оставаясь в рамках актуальной архитектурной повестки в контексте обращения практики к постконструктивизму, вопросы ансамбля соответствовали идеям этого стиля. Для В. Лаврова они стали благодатной почвой, на которой он продолжал развивать идеи

²² Лавров В. Неотложные вопросы восстановления памятников русского зодчества // Архитектура СССР. – 1944. – №8. – С.24–30.

²³ Лавров В.А. Восстановление Великого Новгорода // Архитектура СССР. – 1945. – №9. – С.9–15.

Н.А. Ладовского о психовосприятии сооружений в пространстве, компонентах ансамбля, увязке старого центра города с новым. Сложность этой фундаментальной теории не исключает наличия у В. Лаврова художественного чувства. Оно отразилось в реализованной гостинице-общежитии на объёмно-пространственной концепции здания, на проекте г. Чирчик, разработка которого объединила представителей некогда конкурирующих творческих течений.

Увлекаясь средневековой историей, в отличие от В. Калмыкова, для которого обращение к углубленному изучению принципов расселения и архитектуры среднеазиатского края было средством развития его личной стилистики, В. Лавров обрёл новое, сугубо историко-архитектурное, археологическое направление деятельности, в котором он достиг больших результатов.

Их творчество объединяло главное – преемственность усвоенных архитектурно-градостроительных методов Н.А. Ладовского: учёт исторического контекста, бережное отношение к пейзажу, зрительное восприятие внутри города, средства выразительности формы. Благодаря взгляду на меняющиеся задачи практики через призму этих знаний, обретенных в стенах ВХУТЕМАС–ВХУТЕИНа, архитекторам-рационалистам удалось создать проекты, органично вписанные в социально-культурный и многосторонний природно-климатический ландшафт Средней Азии. Ценность такого отношения к пространству не вызывает сомнений, если учитывать, что в обстановке реального строительства в начале 1930-х годов архитекторами и общественностью критиковалось однообразие планировочных решений городов, геометричность «строчек», не считающаяся ни с особенностями местности, ни с возможностью использования рельефа для создания архитектурного облика города²⁴.

Интересен и тот факт, что члены «квадриги Ладовского» (В.А. Лавров, С.А. Лопатин, В.С. Попов, Г.Т. Крутиков), занимавшиеся такими сенсационными темами дипломных проектов, как: «Новый город», «Летающий город», по разным причинам и в разное время глубоко занимались и вопросами сохранности памятников прошлых эпох.

Данная статья – первая попытка детализации и последовательной систематизации результатов деятельности членов АРУ в Средней Азии на основе публикаций и архивных данных. Результаты выполненного исследования говорят о необходимости дальнейшего подробного изучения творчества каждого члена АРУ, занимавшегося проектной и исследовательской деятельностью в Средней Азии.

Источники иллюстраций

- Рис. 1. [3, с. 36].
- Рис. 2а, б. [8, с. 39, 41].
- Рис. 3а, б (снизу). [15, с. 34].
- Рис. 3б, (сверху), в. [16, с. 39].
- Рис. 4а, б. [17, с. 77].
- Рис. 5а, б. [18, с. 32].
- Рис. 6а. [9, с. 41].
- Рис. 6б. [2].
- Рис. 6в. [9, с.43].
- Рис. 7а. [10, с. 22].
- Рис. 7б. [2].
- Рис. 7в. [10, с.25].
- Рис. 8а, б. [12, с. 31].
- Рис. 9а. [13, с. 28].
- Рис. 9б. [14, с. 46].
- Рис.10а – в. [19, с. 41, 45, 43].

²⁴ Блохин П. Планировка жилых кварталов соцгородов. Опыт четырёхлетней работы Стандартгоспроекта // Архитектура СССР. – 1933. – №5. – С.4–8.

Рис.11а – в. [20, с. 120, 126, 125].
 Рис.12а – в. [21, с. 251, 254].
 Рис. 13а. [22, с.48].
 Рис. 13б. [23, с.17].
 Рис. 14. [22, с.41].
 Рис. 15а, б. [25, с.61, 64].

Литература

1. Белусов В.Я. Проблемы организации населённых мест Киргизской АССР / В.Я. Белусов, Ц.Г. Рысс // Советская архитектура. – 1933. – № 3. – С. 31–38.
2. Белусов В.Я. О социалистическом расселении в Киргизской АССР / В.Я. Белусов, Ц.Г. Рысс, В.П. Калмыков // Труды киргизской комплексной экспедиции 1932–1933 гг.: – Москва: Академия Наук СССР, 1935. – С. 78.
3. Верхотуров Ф.В. Валентин Попов – выпускник школы Ладовского, архитектор Средней Азии // Наука, образование и экспериментальное проектирование: Труды МАРХИ. Материалы международной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, молодых ученых и студентов, 8-12 апреля 2019 г. Сборник статей. – Москва: МАРХИ, 2019. – С. 286–289.
4. Верхотуров Ф.В. Архитекторы АРУ о проблемах реконструкции городов Средней Азии // Реабилитация жилого пространства горожан: Материалы XV Международной научно-практической конференции им. В. Татлина 19–20 февраля 2020 года. – Пенза: Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, 2020. – С. 174–182.
5. Верхотуров Ф.В. Практика студентов Архфака ВХУТЕМАСа в Средней Азии в 1925–1927 гг. // Пространство ВХУТЕМАС в мировой культуре XX–XXI веков. – Москва: МАРХИ, МГХПА им. Строганова, РАХ, Московский политехнический университет, 2020. – С.336–338.
6. Верхотуров Ф.В. Программа конкурса на проект города Новый Чарджуй (1930 г.) // Architecture and Modern Information Technologies. – 2021. – №2(55). – С. 64–76. – URL: https://marhi.ru/AMIT/2021/2kvart21/PDF/05_verkhoturov.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2021-2-64-76
7. Гинзбург М.Я. Национальная архитектура народов СССР // СА. – 1926. – № 5–6. – С. 113–114.
8. Калмыков В.П. Чарджуй / В. Калмыков, Л. Гриншпун // Советская архитектура. – 1931. – № 1–2. – С. 36–43.
9. Калмыков В.П. К вопросу изучения исторической архитектуры Средней Азии // Советская архитектура. – 1933. – № 6. – С. 41–46.
10. Калмыков В.П. Наш проект // Архитектура СССР. – 1933. – № 5. – С. 24–27.
11. Калмыков В.П. Архитектурно-планировочная структура старых городов Средней Азии // Планировка и строительство городов. – 1934. – № 4. – С.13–21.
12. Калмыков В.П. Архитектурно-планировочные проблемы Средней Азии // Планировка и строительство городов. – 1935. – № 2. – С. 27–32.

13. Калмыков В.П. Физкультурные комбинаты в планировке городов // Планировка и строительство городов. – 1935. – № 4. – С. 26–32.
14. Калмыков В.П. Проект центрального физкультурного комбината Средней Азии / В. Калмыков // Архитектура СССР. – 1935. – № 6. – С. 43–47.
15. Лавров В. К проблеме реконструкции городов в условиях Средней Азии / В. Лавров, В. Попов // Советская архитектура. – 1931. – № 3. – С. 30–37.
16. Лавров В. К проблеме реконструкции городов в условиях Средней Азии / В. Лавров, В. Попов // Советская архитектура. – 1931. – № 4. – С. 38–44.
17. Лавров В. К проблеме реконструкции городов в условиях Средней Азии. Организация населённых мест в условиях хлопкового района / В. Лавров, В. Попов // Советская архитектура. – 1931. – № 5–6. – С. 70–78.
18. Лавров В. К проблеме реконструкции городов в условиях Средней Азии. Планировочная организация Андижана и Намангана как индустриальных центров агро-индустриального комплекса / В. Лавров, В. Попов // Советская архитектура. – 1932. – № 1. – С. 22–35.
19. Лавров В.А. Жилищная архитектура среднеазиатского города // Архитектура СССР. – 1934. – № 8. – С. 40–47.
20. Лавров В.А. Архитектурно-планировочный ансамбль (Вопросы архитектурно-пространственной организации ансамбля) // Проблемы архитектуры. Сборник материалов. – Том 1. – Гл. 1. – Москва: Всесоюзная Академия архитектуры. – 1936. – С. 117–140.
21. Лавров В.А. Архитектурно-планировочная композиция среднеазиатского города. Материалы к вопросу архитектурно-пространственной организации ансамбля // Проблемы архитектуры. Сборник материалов. – Том 2. – Гл. 1. – Москва: Всесоюзная Академия архитектуры. – 1937. – С. 245–259.
22. Лавров В.А. Проект Чирчикстроя / В.А. Лавров, Г.М. Орлов // Архитектура СССР. – 1936. – № 6. – С. 46–48.
23. Лавров В.А. Верхний город Чирчика // Архитектура СССР. – 1939. – № 7. – С. 16–18.
24. Лавров В.А. Архитектура и книга // Архитектура СССР. – 1940. – № 3. – С. 69–70.
25. Лавров В.А. Цвет в архитектуре Средней Азии // Архитектура СССР. – 1941. – № 3. – С. 61–66.
26. Хан-Магомедов С.О. Виталий Лавров. – Москва: С.Э. Гордеев, 2010. – 144 с.
27. Хан-Магомедов С.О. Виктор Калмыков. – Москва: С.Э. Гордеев, 2011. – 160 с.

References

1. Belusov V.Ya., Ryss C.G. *Problemy organizacii naselyonnyh mest Kirgizskoj ASSR* [Organization problems of the populated areas of Kyrgyz ASSR]. Sovetskaja arhitektura, 1933, no. 3, pp. 31–38.

2. Belusov V.Ya., Ryss C.G., Kalmykov V.P. *O socialisticheskom rasselenii v Kirgizskoj ASSR* [Socialist settlement in the Kyrgyz ASSR. Proceedings of the Kyrgyz complex expedition 1932–1933]. Moscow, 1935, pp. 78.
3. Verhoturov F.V. *Valentin Popov – vypusknik shkoly Ladovskogo, arhitekt Srednej Azii* [Valentin Popov – a graduate of the Ladovsky School, an architect of Central Asia. Science, education and experimental design: Proceedings of the Moscow Architectural Institute. Materials of the international scientific and practical conference]. Moscow, 2019, pp. 286–289.
4. Verhoturov F.V. *Arhitektory ARU o problemah rekonstrukcii gorodov Srednej Azii* [ARU architects on the problems of reconstruction of cities in Central Asia. Rehabilitation of urban dwellers' living space: Materials of the XV International Scientific and Practical Conference named after V. Tatlin]. Penza, 2020, pp. 174–182.
5. Verhoturov F.V. *Praktika studentov Arhfaka VKHUTEMASa v Srednej Azii v 1925-1927 gg.* [Practice of students of the Archfac of VKHUTEMAS in Central Asia in 1925-1927. VKHUTEMAS space in the world culture of the XX-XXI centuries]. Moscow, 2020, pp. 336–338.
6. Verhoturov F.V. Program of the competition for the project of the Chardzhui town (1930). *Architecture and Modern Information Technologies*, 2021, no. 2(55), pp. 64–76. Available at: https://marhi.ru/AMIT/2021/2kvar21/PDF/05_verhoturov.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2021-2-64-76
7. Ginzburg M.Ya. *Nacional'naya arhitektura narodov SSSR* [National architecture of the peoples of the USSR]. SA, 1926, no. 5-6, pp. 113–114.
8. Kalmykov V., Grinshpun L. *Chardzhou* [Chardzhou]. *Sovetskaja arhitektura*, 1931, no. 1–2, pp. 36–43.
9. Kalmykov V.P. *K voprosu izucheniya istoricheskoy arhitektury Srednej Azii* [The issue of studying the historical architecture of Central Asia]. *Sovetskaja arhitektura*, 1933, no. 6, pp. 41–46.
10. Kalmykov V. *Nash proekt* [Our project]. *Arhitektura SSSR*, 1933, no. 5, pp. 24–27.
11. Kalmykov V. *Arhitekturno-planirovochnaya struktura staryh gorodov Srednej Azii* [Architectural and planning structure of the old cities of Central Asia]. *City planning and construction*, 1934, no. 4, pp. 13–21.
12. Kalmykov V. *Arhitekturno-planirovochnye problemy Srednej Azii* [Architectural and planning problems of Central Asia]. *City planning and construction*, 1935, no. 2, pp. 27–32.
13. Kalmykov V. *Fizkul'turnye kombinaty v planirovke gorodov* [Sport complexes in planning]. *City planning and construction*, 1935, no. 4, pp. 26–32.
14. Kalmykov V. *Proekt central'nogo fizkul'turnogo kombinata Srednej Azii* [The project of the Central Sport Center of Central Asia]. *Arhitektura SSSR*, 1935, no. 6, pp. 43–47.
15. Lavrov V., Popov V. *K probleme rekonstrukcii gorodov v usloviyah Srednej Azii* [On the problem of urban reconstruction in the conditions of Central Asia]. *Sovetskaja arhitektura*, 1931, no. 3, pp. 30–37.
16. Lavrov V., Popov V. *K probleme rekonstrukcii gorodov v usloviyah Srednej Azii* [On the problem of urban reconstruction in the conditions of Central Asia]. *Sovetskaja arhitektura*, 1931, no. 4, pp. 38–44.

17. Lavrov V., Popov V. *K probleme rekonstrukcii gorodov v usloviyah Srednej Azii. Organizaciya naselyonnyh mest v usloviyah hlopkovogo rajona* [On the problem of urban reconstruction in the conditions of Central Asia. Organization of populated areas in a cotton region]. Sovetskaja arhitektura, 1931, no. 5–6, pp. 70–78.
18. Lavrov V. Popov V. *K probleme rekonstrukcii gorodov v usloviyah Srednej Azii. Planirovochnaya organizaciya Andizhana i Namangana kak industrial'nyh centrov agro-industrial'nogo kompleksa* [On the problem of urban reconstruction in the conditions of Central Asia. Planning organization of Andijan and Namangan as industrial centers of the agro-industrial complex]. Sovetskaja arhitektura, 1932, no. 1, pp. 22–35.
19. Lavrov V.A. *Zhilishchnaya arhitektura sredneaziatskogo goroda* [Residential architecture of a Central Asian city]. Arhitektura SSSR, 1934, no. 8, pp. 40–47.
20. Lavrov V.A. *Arhitekturno-planirovochnyj ansambl' (Voprosy arhitekturno-prostranstvennoj organizacii ansamblya)* [Architectural and planning ensemble. Architecture problems. Collection of materials, vol. 1]. Moscow, 1936, pp. 117–140.
21. Lavrov V.A. *Arhitekturno-planirovochnaya kompoziciya sredneaziatskogo goroda. Materialy k voprosu arhitekturno-prostranstvennoj organizacii ansamblya* [Architectural and planning composition of the Central Asian city. Architecture problems. Collection of materials, vol. 2]. Moscow, 1937, pp. 245–259.
22. Lavrov V.A., Orlov G.M. *Proekt Chirchikstroya* [Chirchikstroy project]. Arhitektura SSSR, 1936, no. 6, pp. 46–48.
23. Lavrov V.A. *Verhnij gorod Chirchika* [Upper town of Chirchik]. Arhitektura SSSR, 1939, no. 7, pp. 16–18.
24. Lavrov V.A. *Arhitektura i kniga* [Architecture and book]. Arhitektura SSSR, 1940, no. 3, pp. 69–70.
25. Lavrov V.A. *Cvet v arhitekture Srednej Azii* [Color in the architecture of Central Asia]. Arhitektura SSSR, 1941, no. 3, pp. 61–66.
26. Han-Magomedov S.O. *Vitalij Lavrov* [Vitalij Lavrov]. Moscow, 2010, 144 p.
27. Han-Magomedov S.O. *Viktor Kalmykov* [Viktor Kalmykov]. Moscow, 2011, 160 p.

ОБ АВТОРЕ

Верхотуров Филипп Владимирович

Аспирант кафедры «Советская и современная зарубежная архитектура», Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия
e-mail: f.verkhoturov@markhi.ru

ABOUT THE AUTHOR

Verkhoturov Philipp

Postgraduate Student, Chair «Soviet and Modern Foreign Architecture», Moscow Architectural Institute (State Academy), Moscow, Russia
e-mail: f.verkhoturov@markhi.ru